

УДК 39 3.9

ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА ФИШМАН

кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии Северо-Запада, Российский этнографический музей (г. Санкт-Петербург)
olga_fishman@mail.ru

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА МИКРОЛОКАЛЬНОЙ ГРУППЫ (ТИХВИНСКИЕ КАРЕЛЫ)

Статья посвящена выявлению объективных и субъективных факторов формирования природно-хозяйственной среды обитания тихвинских карел, с XVII века населяющих Тихвинский уезд Новгородской губернии (современный Бокситогорский район Ленинградской области). Архивные и полевые авторские материалы анализируются в русле междисциплинарной проблемы культурного освоения переселенцами нового жизненного пространства и установления системы его границ. Определены базовые концепты новой родины: лес, озеро, болото, река, подсека.

Ключевые слова: карелы, мигранты, природно-хозяйственная среда, факторы формирования, граница, концепты, XVII–XX века

Тихвинскими карелами в научной литературе принято называть тех карел, которые переселились в Тихвинский край Новгородчины после подписания Столбовского мира 1617 года со Швецией. Первая миграционная волна относится к 1630-м годам, когда карелы фиксируются на землях Тихвинского монастыря, вторая, согласно документам, отмечает их поселение на погосте Озереве в верхнем течении реки Чагоды 1656 годом. Современная историческая память отличает их как старо- и новопоселенцев.

На основании корпуса документальных, историко-археологических и собранных нами полевых данных (включая топографическо-натурные исследования) на территории расселения тихвинских карел-мигрантов было предпринято выявление объективных и субъективных факторов, способствовавших организации ими на новом месте поселения (Тихвинский край – Тихвинский уезд Новгородской губернии – современный Бокситогорский район Ленинградской области) структуры собственного жизненного пространства и установлению целостной системы его границ.

Базовыми для постановки многоаспектной проблемы культурного освоения переселенцами новой природной среды, анализа характера связей, которые существовали и существует между потребностями этнолокального коллектива в создании и функционировании среды обитания, являются три положения: 1) каждой этнической культуре присущ индивидуальный способ видеть и познавать природу (О. Шпенглер) [22]; 2) ведущим признаком карельской культуры являются ее «природоподражательность» (термин В. П. Орфинского) и природоукорененность, основанные на лесной зонально-климатической ориентированности; 3) «корельские выходцы» обладали гибкой системой жизнеобеспечения лесо-таежного типа с высоким уровнем адаптации к окружающей среде. В настоящей статье

акцент будет сделан на факторах и способах создания природно-хозяйственных границ микроэтнолокальной группы на основании современного дискурса границы как феномена общественной жизни.

Согласно отрывочным сведениям, опубликованным в отдельных листах Новгородских писцовых книг (НПК) за 1564 год, о «волости в Езерево (Озереве. – О. Ф.) на реке Чядогоще», здесь находились восемь одно- и трехдворных деревень: «В поместье за Олексаем за Григорьевым сыном Ефимчева», а позже за его сыном Ширяем и «ширяевыми детьми». Названия некоторых из них существуют в современной топонимике юго-восточной части бывшего Георгиевского прихода в Озереве (Онисимово, Корзово, Горка, Городец, Мельница Еванцево). В неопубликованной части писцовых книг Бежецкой пятины К. А. Неволин приводит сведения о том, что в 1581–1583 годах в Егорьевском (Георгиевском) погосте «за старыми и новыми помещики в поместьях и порожжих землях и монастырской земли» значились 10 селений живущих и 126 пустошей [13; 1–4]. Погост Озереве был основан на месте средневекового селища, вокруг которого сосредоточен массив археологических памятников бассейна р. Чагоды (пять сопок, курган, курганно-жальничные захоронения), которые называются «порицкими / порецкими курганами» и связываются в легендах со временем польско-литовской войны. Водным путем через р. Соминку и сухопутным – через Суглицкий погост Озереве связывалось с Тихвинской и Устюженской дорогами, соединявшими Приладожье и Верхневолжье. Ряд косвенных свидетельств говорит о том, что карельское заселение шло через Озеревский погост, хотя не менее древняя водная дорога пролегла через систему волоков между слабозаселенным верховьем Чагоды и р. Воложбой (бассейн р. Сясь)¹.

В первой трети XX века здесь, как нам представляется, на местах позднесредневековых русских деревень XVI века [10], [12; 102], были обустроены карельские хутора: Jovanša – Иванцево (ср.: Мельница Еванцева по документам XVI века), Косогоры, Цапля.

К северу от карельских деревень простиралась полоса болот и лесов, маркированных карельскими географическими терминами и, соответственно, лесными и промысловыми угодьями – Madojärvi; Ahvenlammi; Lippujärvi; Мишкиское (Большое) и Коженское озера. Самая северная карельская деревня, удаленная от основного массива по Чагоде, – Утlikово.

Северо-западная граница группы, складывавшаяся в первые десятилетия после переселения в XVII веке как зона исключительно природно-хозяйственного внедрения и освоения, со временем, во всяком случае в XIX веке, приобрела черты этноконфессиональной границы со своими центрами «стягивания» разноконфессиональных святынь. Эта граница группы не совпадала с административной – волостной – и доходила до урочищ Буян и Опоки, озер Быково, Болонье и Струпино – *Струпино*, где каждая семья, промышлявшая рыбой, имела свой участок, называвшийся по имени / прозвищу хозяина – *Крымской лахта* (от фамилии Крымский), *Смоло лахта* (от прозвища Смолло), *Попиленькова пристань* (от фамилии Попиленьков) и т.д. В 1920-е годы – время хуторского землеустройства – были основаны хутора *Шагай*, *Топтыгин*, *Стирка* (по фамилии / прозвищу владельца), Струпино, Опоки. Именно здесь преобладает карельская микротопонимия.

В настоящее время существуют три микролокальных круга карельских деревень. Первый – на востоке карельского локуса, сами жители называют его *Русь* / *Русь*: «нас и за карел не считали» (деревни Коростелево, Дятелка, Утlikово, Городок, Бережок, Курята, отчасти Логиново).

Второй, прямо противоположный круг деревень называется *Глухая Корела*, что синонимично понятию «настоящая Корела». Число деревень, относимых к ней, меняется в зависимости от того, жители какой деревни называют их *Глухой Корелой* и какой смысл они вкладывают при этом в само понятие. Самый простой определитель – географический: удаленная группа карельских деревень вверх по Чагоде, включающая в себя как старо-, так и новопоселенческие – Моклаково, Забелино, Новинка, Дубровка, Селище. Другие информаторы, памятуя об истории заселения, включают в этот ряд старокарельские деревни Бирючово и Коргорку.

Третий – промежуточный между *Глухой Корелой* и *Русью* – круг образуют старопоселенческие деревни Толсты, Курята, Логиново; две последние некоторыми современными людьми считаются *Русью*, так как число местных старожилов в них весьма ощутимо сократилось в последние десятилетия. Жители *Глухой Корелы*

называют их *те края*, и многие пожилые женщины крайне редко здесь бывали.

Современная оценка степени сохранения «карельского», на которой основывается отличие деревень, свидетельствует о важности этнической идентификации для тихвинских карел. Каждый из этих микролокусов имел свои брачные круги, собственные культовые и сакральные центры.

Сложению каждого из трех выделяемых карелами микролокальных кругов во многом способствовала географическая удаленность отдельных групп деревень друг от друга, история заселения (старо- и новопоселенцы), различная степень экономической зависимости (помещичьи, государственные крестьяне), существовавшая в XIX веке система поземельных общин, зачастую объединявшая карельские и русские деревни.

Двумя основными факторами для создания поселения были наличие пригодных пашенных, сенокосных и пастбищных земель, которые, как правило, соответствовали угодьям позднесредневековых поселений, и освященность этих мест реальными и легендарными свидетельствами. Принцип хозяйственно-сакральной преемственности универсального свойства отчетливо просматривался в карельской поселенческой системе: деревни первой волны переселения были построены на месте или рядом со средневековыми жальничными захоронениями (Моклаково, Коргорка, Логиново) [10; 23–24]. Тот же принцип использовался и в XIX–XX веках при создании деревень (Коростелево, Дятелка) и при переселении на хутора (Йованча, Солмов, Косогоры и др.). В народной памяти отчетливо сохранились названия деревень, которые были здесь до «Литвы» или во «времена Литвы» (предков), а ныне сохранились как сельскохозяйственная топонимика: «ранние люди» жили в Лубенихе, Мартыново, Горке, Присое, Жарово, Поделье, «на этих полянах находили, когда пахали, жернова для размолы, куски жженого железа» [4; 37]. С *Литвой* связаны и названия пашен, пожен, курганов, сопков, кладбищ = жальников. Собранные данные говорят, что информация о местной топонимической системе включает мотивационную рефлексию относительно причин происхождения названий.

Русские названия деревень бытуют в фонетически адаптированном виде. Ранее было установлено, что часть из них – старые топонимы, унаследованные переселенцами от русского населения, остальные, хотя и обозначают поздние, образованные на новых местах карельские поселения, также русского происхождения [23; 76].

Исходя из установленной зависимости между микротопонимией и потребностями небольшого численно и территориально ограниченного коллектива [11; 110], были проанализированы природно-хозяйственные топонимы и особенности их локализации в околоселенском и хозяй-

ственном локусах, что позволило установить устойчивость весьма архаичной системы освоения природного пространства, свидетельствующей о специфической лесной составляющей ментальности и образа жизни тихвинских карел. Это карельские топонимы, отражающие особенности местного лесного и водного ландшафта, сохранение части топонимической модели, связанной с подсечной системой земледелия при явно преобладающей русской географической терминологии.

Согласно местным преданиям, вторая волна переселенцев конца XVII века вынуждена была двинуться в северо-западном направлении по верхнему течению Чагоды, и здесь естественной преградой для дальнейшего освоения стали непригодные для земледелия болота и *глухая тайга*. Именно в этой зоне фиксируется основной, а в ряде позиций и преобладающий над славянской пласт карельской микротопонимики.

Оценка переселенцами физико-географических условий новой родины как близких Карелии способствовала использованию карельской лексики для обозначения нового пространства. О сохранности понятия 'бор' (*kangaš*) – хвойный (преимущественно сосновый) лес, расположенный на высоком сухом месте, – свидетельствует то, что эта лексема употребляется для наименования окрестных лесных массивов [17]. Таким образом, выделяются хвойные леса около деревень – *dubro'van kangaš* (дубровский бор), *moklokovän kangaš* (моклаковский) и т. п., в то время как листовые леса названы по преобладающей породе деревьев: *koivikko* – 'березняк', *gano vičša* от *gano* – имя собственное / прозвище + *vičša* – 'лозняк', *haavikko* – 'осинник', *l'erikkö* – 'ольшаник', *gaajikko* – 'ивняк' и т. п.

Основа местной гидрографической номенклатуры в зоне карельского расселения – безусловно русская [16; 226–227]. Бассейн р. Чагоды (*Suagoda*) с левыми притоками – р. Тушемелькой (*Tušemel'ka*), р. Пчелинкой (*Cel'inika*, *Cel'inän'e*), р. Веткой (*Vietka*); правыми притоками – р. Корзовкой (*Korzovka*) с впадающими в нее Белым ручьем (*Valgioja* – пер. с русского), а также Забелинским ручьем (*Zabil'näjoja*); лесная речка Линёнка (на картах конца XIX века – Ленинка) и протока Узменка, соединяющая так называемые Горские озера. Наряду с этим в западной части карельского ареала имеются карельские топонимы с основой на -*oja*: *Lapšioja* – 'детский ручей', *Muštaoja* – 'черный ручей' (может быть, это калькированный перевод с русского), *Viluoja* – 'холодный ручей', *Ihonoja* от *iho* – 'лицо', *huoba oja* / *gučša*. Изредка используется слово *jovut* – 'речка'.

«Анализ гидронимов показывает, что названия ручьев, ламб, озер и болот у тихвинских карел имеют, как правило, прибалтийско-финский облик» [9; 78]. Этот вывод эстонского ученого Я. Ёйспуу можно принять с серьезной территориально-ограничительной поправкой: в окрест-

ностях Селищ (где эстонскими лингвистами был собран материал и большая часть топонимов В. Д. Рягоева) и в соседних деревнях западного ареала расселения карел, так как в целом «лингвистический ландшафт» носит явно славянский характер.

В номинации озер также преобладают русские географические термины, калькированные в карельском языке по типу *Bircovanjärvi* – Бирючовское озеро; известны 16 подобных топонимов, и только несколько названий глухих лесных и болотных озер к северу от *Глухой Корелы* имеют карельское происхождение с детерминантами -*järvi* и -*lambi*. Это *Suojärvi* – 'болотное озеро', *Madojärvi* – 'змеиное озеро', *Raidajärvi* – 'ивовое озеро', *Ahvenlambi* – 'окуневое озеро', *Löttölambi* – 'лягушачье озеро', *Püörükkälammut* – 'кругленькое озеро'. Карельский гидроним *Lammijärvi* (в русском варианте «Ламбушка») зафиксирован на волостной карте XIX века. Отметим, что термин не встречается в русских говорах Новгородчины, в отличие от Русского Севера, где он был заимствован из прибалтийско-финских языков, как установлено исследователями, в конце XIV века.

В карельских диалектах лексема *lampi*, *lambi* означает «небольшое лесное, обычно непроточное озеро. <...> ...В вепсском языке указанный термин отсутствует» [11; 52].

Типично карельской гидронимной топоосновой является и -*lahti* – 'залив', ей обозначены два промысловых участка на оз. Струпино: *smolo lahta* (от *smolo* – прозвище) и *krimskoj lahta* (от *krimskoj* – прозвище, перешедшее в фамилию). Другой устойчивый карельский детерминант *šuo* – 'болото': *Alašuo* – 'нижнее болото', *Korbišuo* – 'дремучее, глухое болото', *Ruozmišuo* – 'ржавое / рудное болото', *Kuortanšuo* – 'сметанное болото'.

Итак, тихвинские карелы сохранили основной пласт собственных гидрографических топонимов, таких как -*jogi*, -*oja*, -*järvi*, -*lambi*, -*lahta* и -*šuo*, позволивших создать локальную микротопонимическую систему, не просто отражающую особенности местного «водного» ландшафта, но придающую ему карельские, стало быть, узнаваемые черты. Вбирание в собственную культуру и переосмысление новых географических реалий прослеживается на превращении лексемы -*jogi* в географический термин. Так называют только Чагodu, которая приобрела тем самым символическое значение «Реки», давшей начало новой жизни и ставшей основой мироустройства переселенцев.

Для называния возвышенных мест, расположенных рядом с деревнями, карелы Тихвинщины используют ныне русский термин «гора»; как правило, так именуют места молодежных игр и гуляний. Жители деревни Логиново ставили качели на Пасху на 'змеиной горе' (*Madogora*), а забелинская молодежь – на 'боровой горе' (*Kangahangora*), так как она находилась в лесу, здесь же жгли масленичные костры. Известны и

такие орографические топонимы, как Janis'gora – 'заячья гора', Limmukongora – 'костениковая гора' [6; 43–44]. Сухие возвышенные участки в лесах и на болотах назывались šuari – острова: Suošuari / Zimm'ikanšuo – 'болотный остров', Madošuari – 'змеиный остров', Hirvišuari – 'лосиный остров', расположенные в одноименных урочищах⁴.

Сохранение, по мнению карел, прежнего типа хозяйствования актуализировало архаичную часть топонимической модели, связанной с подсечной системой земледелия. Известны следующие топоосновы и лексемы: huhta, huuhtu, razi, niemi; -aho, -nurmi, -peldo. Сопоставим значения приведенных лексем в диалектах Карелии, Тихвинского и Тверского краев⁵ [16; 209, 228–230].

Лексема 'aho' в собственном карельском и ливвиковском диалектах – 'бывшая подсека, пожога, то есть заброшенный, оставшийся незаезженным на протяжении нескольких лет, заросший травой и смешанным лесом участок земли; поле, поляна; сосняк; низина, поросшая хвойным лесом и мхом; безлесное или поросшее редким лесом неплодородное место' [11; 20]. У тихвинских карел употребительнее понимание этой лексемы как «поляна, открытое место в лесу, пустошь»: Vuocinaho – пустошь в лесу около деревни Селище, Korgieaho – 'высокая' пустошь в окрестностях оз. Липнево, Šuuriaho – 'большая' пустошь в 3–4 км от деревни Селище и др. Вместе с тем использование в составе конкретных топонимов свидетельствует об их первоначальном осмыслении как «подсека», «пожог», что совпадает с известным в Карелии: Koivikkoaho – 'березовое поле', Haavikkoaho – 'осиновое поле', Kivikkoaho – 'каменистое поле'. Подтверждает это и место расположения топонимов с основой -aho вдали от деревень, в отличие от полей (peldo), находящихся рядом с деревнями.

О частичной утрате значений говорит переход двух лексем в топонимы. Одна из них Huhta: «скот гоняли в Хухта – поляночка такая» [1; 18 об]. Huhta, huuhtu, huuht в диалектах Карелии и финском языке обозначает подсеку в хвойном лесу, в отличие от лексемы kaški, kaski – подсека в лиственном лесу⁶ [11; 31, 37].

Второй термин, ставший топонимом, – razi («часть пашни у деревни Бирючово, вырубка»). Лексема razi известна в карельских диалектах и вепсском языке, где понимается как «подсека, оставшаяся неспаленной, лес с большим количеством вырубленных или упавших деревьев». Для сравнения укажем, что в говорах тверских карел razi – это «густое мелколесье, мелкий густой лес с обилием валежника».

Топооснова -nurmi – «луг, покос, залежь», как и -aho, очень продуктивна в образовании микро-топонимов в карельском языке, в том числе и у тихвинских карел. В названии лугов отражены местные природные реалии: mättähikku nurmi (от mättähikku – 'кочкарник') – 'место, покрытое коч-

ками»; čilahikko nurmi (čilahikko – 'крапивник'); valgiešavinurmi (valgiešavi – луг 'белая глина'), määrgä nurmi – 'сырой луг'. 'Nurmi' в значении 'залежная земля' является эквивалентным русскому *лядина*; в их числе – Z'imn'ikka nurmi и D'emšinää nurmi около Бирючово и Коргорки, Bajärin nurmi – 'боярская залежь', Oncifor'ovaa karpan nurmi. Те из них, которые находились далеко в лесу, назывались «лесными» (mešša nurmet), в отличие от ближних = домашних покосов (kodi nurmet) на заливных лугах около озер, р. Чагоды и ее притоков. В подобном разделении очевидно влияние конкретной локальной системы землепользования, когда собственные крестьянские наделы, в отличие от помещичьих, зачастую находились в отдалении от деревень на 1–10 и даже 15 км. Кроме того, таким «словесным» образом маркировалось домашнее = свое и лесное. В соответствии с этим только поля рядом с деревнями назывались peldo: Časoonapeldo – 'часовенное поле' у Бирючово, Vietkapeldo – поле на р. Ветке, Uz'minapeldo – между Коргоркой и Бирючово в урочище Узмень, Ogorodopeldo – 'огородное поле', Kivikkopeldo – 'каменистое поле'. Многие поля назывались по именам владельцев: Mikkipeldo – 'Никитино поле', Stöpo – 'Степаново поле', Arhipanpeldo – 'Архипово поле' [6; 44].

Сенокосные и пастбищные угодья зачастую совпадали и, если они находились в пойменных зонах рек, озер или в лесных логах, для их обозначения использовали топооснову -niemi – «мыс, участок земли, глубоко вдающийся в лес или окруженный водой» [11; 63], или русский термин *лог* (loga): Zabiln'anniemi – 'забелинский лог', Šuväloga – 'глубокий лог'. В ряде случаев отмечен переход лексемы -niemi в самостоятельный топоним (niemi у деревень Толсть и Коргорки).

Наряду с уже упомянутыми русскими географическими терминами, обозначающими сельскохозяйственную деятельность (*лог*, *лядина*), тихвинские карелы использовали такие, как *полянка*, *пустошь* (puista), *поле*; они преобладали в восточной части расселения.

В целом же объем, характер и тип топонимов западной части – *Карелы*, хотя и представляют собой позднее и очаговое явление, говорят о принципе достаточности освоенной территории, соотносительности этих топонимов с основными историко-культурными характеристиками карельской традиции и достаточной природоукорененности, а также о сохранении специфической картины природного мира.

Сопоставление карельских топонимов показало смысловые сдвиги, произошедшие в языке тихвинских карел; примером тому могут служить переходы топооснов в топонимы, синонимия карельских и русских лексем по отношению к одним и тем же объектам (määrgä nurmi = määrgä lädina; logi = nurmet и др.). И вместе с тем пример географической лексики тихвинских карел подтверждает вывод А. А. Потеевни, сделанный им в статье «Язык и народность», опубликован-

ной впервые в 1895 году, о том, что «лексическая сторона языка наиболее способна без перерождения выдерживать напор внешних влияний» [14]. В нашем случае она не просто сохранилась, но была активно использована для обживания нового природного пространства, к тому же обозначив в нем сходство и аналогии с покинутыми местами обитания – «леса, озера, как в Карелии». Таким образом, проанализированный микротопонимический материал подтвердил, что из всех локальных природно-климатических и природно-культурных факторов карелы особо выделили и сохранили следующие концепты: Лес, Озеро, Болото, Река и Подсека. Последнее косвенно подтверждает время переселения, когда основным типом земледелия в данной лесной зоне было подсечное. Будет уместным напомнить слова Л. С. Берга о том, что «распространение народных терминов и те видоизменения смысла, которые они претерпевают в различных местностях, дают немало указаний на ход колонизации, перемещение народных масс и взаимные влияния соседних народностей» [7; 100].

Об «островном» типе самоизоляции тихвинских карел свидетельствуют замкнутые круги деревенских, проселочных и лесных дорог. Они носят местные названия в зависимости от направления и конечного пункта назначения – это общепринятый принцип именования: *šuošuařen doroga* – ‘болотная дорога’, *oprokan doroga* – дорога на Опоки, *mäcinan doroga* – дорога на деревню Мячино и т. п. Все они образуют круги, связанные друг с другом и формирующие внутриволостную сеть с тупиками на северо-западе в деревне Селище и юго-западе в деревне Дубровка [21].

Анализ дорожной волостной сети свидетельствует о концентрации ее ядра на востоке, около старого погоста в Озереве и волостного правления в Клецке (имение Тарантаево), откуда самая дальняя дорога к верховьям Чагоды шла, видимо, через Турандино, Белый Бор на Опоки. С XVII века, после литовского разорения, по мере заселения и освоения этих земель карелами началось обновление и формирование новой дорожной сети, не всегда, естественно, соответствующей прежней, более разветвленной, органично дополнившей старую систему и соединенной с восточной частью. Принципу замкнутости и дополнителности карельских дорог вполне отвечает тот факт, что за пределами карельского локуса находились и крупные местные ярмарки.

Сравнение сформировавшейся карельской поселенческой структуры (в первую очередь созданных переселенцами новых деревень – Дубровка, Новинка) с деревнями, основанными в XIX веке (Дятелка, Коростелево), с хуторскими поселениями XX века и старыми русскими деревнями позволяет выдвинуть предположение о предпочтительности и преобладании при-

брежного типа расселения и поселений. Неслучайно в рассказах о выборе места для устройства деревни, установки часовни всегда говорится о воде; удобным местом считается место около реки или озера, а неудачное расположение вдали от того или иного водоема объясняется фактом позднего переселения, когда пригодные для земледелия и рыболовства места были уже заняты первопоселенцами.

Идея границы на уровне отдельного поселения выражена структурой, стремящейся к замкнутости, – в идеале это круг; отсюда устойчивость прослеженной в ряде деревень беспорядочно-круговой застройки (Толсть, Забелино, Моклаково, Селище), наличие в деревне центра, как правило, сакрального (часовня, *моленная*) и социального (земская станция, школа, лавки), обязательность деревенских ворот, закрытых в любое время суток.

Современная организация внутриволостного пространства отражает эволюцию круговой застройки; бани (*külüt*), амбары (*peldoaitat*) и риги с гумном (*riihizet*) выносились на разные концы деревни. Бани – вдоль берега реки или озера, а амбары, которые неслучайно в дословном переводе с карельского означают «полевые клетки», образовывали отдельные улицы (*piha*) в поле за деревней или в прогонах для скота (*kujo*) (Логиново, Толсть, Забелино, Новинка, Дубровка, Селище, Моклаково). Последние риги и амбары бытовали еще в конце 1960-х годов.

Система заселения иллюстрирует совокупность отражаемых ею культурных противостояний на уровне внутригрупповых (старо- и новопоселенцы) и внешних отношений (старобрядцы – православные), а так как в числе последних наряду с русскими были карелы, то и здесь проявлялся этноконфессиональный уровень различия, пронизывающий и системообразующий собственно карельско-старобрядческую традицию.

Карельская локальная группа формировалась в рамках одной административной и церковной единицы – Озеревского Георгиевского прихода и Тарантаевской волости Тихвинского уезда, составляя его преимущественное большинство. Со временем карелы заполнили автономную и слабообжитую западную часть волости, где продолжалось хозяйственное освоение территории. В восточной же части волости преобладали русские деревни и проходила этническая граница между карелами и русскими. С течением времени она менялась, но всегда была реально ощущаемой, напряженной и подвижной. Русифицировались в первую очередь карельские деревни этой восточной части волости. С XVIII века в пределах прихода складывались два полярных этноконфессиональных локуса: восточный и юго-восточный – православный, русский, и западный – старобрядческий, карельский.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В. И. Равдоникас писал: «Тихвинский край лежал на пути у норманнов при их сношениях с Булгаром. Поднявшись по Сяси, они Воложкой плыли до водораздела и затем волоком перебирались в Чагоду, реку уже каспийского бассейна. В Анисимовской волости Тихвинского уезда есть погост Волокославский; по писцовым книгам XVI–XVII веков, он назывался прямо «погост на Волоку». Он и стоит как раз на том месте, где Воложба и Чагода (приток Чагодоши) всего более сближаются между собой; здесь, несомненно, был древний волок» [15; 30–31].
- ² Названия хуторов, как правило, «восходят к названиям тех урочищ, на территории которых возникли хутора» [12; 102].
- ³ Современный исследователь А. Н. Соловьев предлагает расширить круг «автохтонной лексики прибалтийско-финского происхождения» в новгородском диалекте. Как свидетельство взаимодействия с карельской языковой логической структурой автор рассматривает лексемы «бор» в местном значении «возвышенность (чаще в лесу, песчаная)», «корба (kogri)» – «моховое кочковатое болото, часто поросшее сосновым мелколесьем», «лахта» (болотистое место в лесу), «упха» (лиман, глубокое место, разлив). Основанием тому является их предельно конкретизированные семантические содержания, что более характерно для прибалтийско-финских языков, чем для древненовгородского диалекта.
- ⁴ Ср. со значением слова «остров» в русских говорах Новгородчины: «возвышенное сухое место среди болота» [19; 89].
- ⁵ Примеры взяты из полевых материалов автора и публикации В. Д. Рягоева.
- ⁶ Ср. huuhta в Тверской области [18; 61], kaški [19; 89].
- ⁷ О сложении и развитии путей сообщения в этой части новгородских земель см. [15; 18–20].

ИСТОЧНИКИ

1. Архив Российского этнографического музея (АРЭМ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 33.
2. АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 34.
3. АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 46.
4. АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 51а.
5. АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 52.
6. АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 52а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

7. Берг Л. С. О русской географической терминологии // Землеведение. М., 1915. Кн. IV. С. 99–101.
8. Игнатъев Р. Н. Антропологическое исследование феномена границы // Российская наука о человеке: Вчера, сегодня, завтра: Материалы междунар. науч. конф. / Под ред. Ю. К. Чистова, В. А. Тишкова. Вып. 1. СПб., 2003. С. 65–70.
9. Королькова Л. В. Северо-восточные районы Новгородской земли X–XVII вв. Формирование сети расселения и этнокультурные взаимодействия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 24 с.
10. Лапшин В. А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. Восточные и северные районы. СПб.: Издательский отдел Языкового центра филологического факультета СПбГУ, 1995. № 919, 92. 232 с.
11. Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991. 158 с.
12. Муллонен И. И. Отражение типов сельских поселений в вепсской ойконимии // Номинация в ономастике: Сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 94–102.
13. Новгородские писцовые книги. Т. 6. Книги Бежецкой пятины. СПб., 1910. Ст. 1071. Л. 1–4.
14. Потебня А. А. Язык и народность // Потебня А. А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993.
15. Равдоникас В. И. Доисторическое прошлое Тихвинского края // Тихвинский край: Краевед. сб. Тихвин, 1924. С. 1–36.
16. Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л.: Наука, 1977. 287 с.
17. Соловьев А. Н. Русско-финские этнолингвистические контакты на территории современной Новгородской области: к вопросу об этнолингвистическом концептуализме // Реальность этноса. Национальные школы в этнологии, этнографии и культурной антропологии: наука и образование: Материалы докладов междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. И. Л. Набок. СПб., 2001. С. 321–325.
18. Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.
19. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. 448 с.
20. Строгова В. П. Как говорят в Новгородском крае. Новгород: РИО Упрполиграфиздат, 1991. 134 с.
21. Трехверстная карта Генерального Штаба. Спец. карта Европейской России / Составлена и гравирована в Военно-топографическом отделе Гл. штаба под ред. И. А. Стрельбицкого. М., 1880.
22. Шпенглер О. Закат Европы. Образ и действительность Т. 1. Новосибирск: Наука, 1993. 591 с.
23. Ыйспуу Я. Топонимика тихвинских карел: Названия деревень и гидронимия // Из истории Санкт-Петербургской губернии: Новое в гуманитарных исследованиях: Сб. науч. тр. СПб., 1997. С. 72–79.